

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В 1920-е – 1930-е ГОДЫ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Олег Владимирович Матвеев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,

vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Аннотация. Выявляется состояние религиозной жизни Кубани в 1920-х – 1930-х гг. на основе партийных документов. Автор приходит к выводу, что документы отмечают высокий уровень религиозности, продолжение приходской жизни, соблюдение запретов на работу в христианские праздники, защиту духовных лиц, отстаивание перед властями религиозных убеждений. Партийные органы долго проигрывали народной религиозности в идеологическом противостоянии, и лишь использование всей мощи партийного аппарата смогло переломить ситуацию.

Ключевые слова: народная религиозность, партийные документы, антирелигиозная пропаганда, верующие, духовенство, партийные руководители

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

Для цитирования: Матвеев О.В. Религиозная жизнь сельского населения Кубани в 1920-е – 1930-е годы (по документам Центра документации новейшей истории Краснодарского края) // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 83–89.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-83-89

**RELIGIOUS LIFE OF THE RURAL
POPULATION OF KUBAN IN THE 1920s – 1930s
(BASED ON DOCUMENTS OF THE DOCUMENTATION CENTER FOR
THE MODERN HISTORY OF THE KRASNODAR TERRITORY)**

Oleg V. Matveev

Kuban State University. Krasnodar, Russia,

vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Annotation. State of religious life in Kuban in the 1920s and 1930s based on party documents. The author concludes that the documents note a high level of religiosity, the continuation of parish life, compliance with bans on work on Christian holidays, the protection of clergy, and the defense of traditional values and religious beliefs before the authorities. Party organs long lost the ideological confrontation with popular religiosity, and only the use of the full power of the party apparatus was able to turn the tide.

Keywords: popular religiosity, party documents, antireligious propaganda, believers, clergy, party leaders

Acknowledgments: The study was funded by the Kuban Scientific Foundation and the Russian Scientific Foundation as part of the project № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

For citation: Matveev O.V. Religious Life of the Rural Population of Kuban in the 1920s – 1930s (Based on Documents of the Documentation Center for the Modern History of the Krasnodar Territory) // *Naučnāá mysl' Kavkaza*. 2025. No. 4. P. 83–89.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-83-89

Original article

Изучение религиозной жизни населения в советский период носит востребованный характер, поскольку стремление понять общество прошлого отвечает важному направлению антропологического измерения истории. Религиозная жизнь предполагает участие человека в системе социальных норм и ролей, соблюдение исторически сложившегося комплекса ритуалов и стандартов поведения, духовных заповедей, которые существуют на ценностно-нормативном и организационном уровнях. Большой научный интерес представляет изучение народной религиозности в условиях атеистической политики советских и партийных властей в 1920-е – 1930-е гг. Через призму сложных взаимоотношений с государственными и общественными институтами можно проследить черты проявления так называемой народной религиозности. В научной литературе высказано немало подходов к определению понятия «народная религиозность» (М. Вебер, А.Я. Гуревич, Ю.Е. Арнаутова и др.) [см.: 1]. Нам наиболее близким представляется взгляд польского ученого Ежи Бартминьского, согласно которому народная религиозность представляет собой систему представлений, реализуемую на двух уровнях. *Во-первых*, это теоцентричная религиозность околостельных кругов, где она организуется духовными лицами, либо без их участия и связана с комплексом общенациональных ценностей. *Во-вторых*, это внекостельная религиозность, которая исходит из народной культуры [2]. Несмотря на наличие ряда работ о религиозной жизни на Юге России, аспекты религиозных воззрений советских людей слабо изучены на региональном уровне [3–7].

Цель данной статьи – выявление форм религиозной жизни сельского населения Кубани в условиях советского общества в 1920-е – 1930-е гг. Задачами исследования выступает анализ партийных документов (протоколы заседаний бюро райкомов ВКП(б), отчеты, аналитические справки) в отношении религиозной ситуации в станицах и хуторах края и степени результативности антирелигиозной политики на местах.

Основу работы составили документы, выявленные в Центре документации новейшей истории Краснодарского края. Они представляют взгляд через призму классовой идеологии, однако их несомненным достоинством представляется сочетание сведений о мировоззрении людей

эпохи с информацией о противоречивых политических и социально-экономических процессах, происходивших в советском обществе. В работе с этими источниками следует исходить, прежде всего, из принципа историзма. Необходимо иметь в виду не только исторические условия, в которых создавались протоколы, отчеты, доклады партийных органов, но и стратегию, тактику, экономическую, социальную и культурную политику ВКП(б) на данном этапе.

В документах ВКП(б) представлены интересные сведения о численности религиозных общин в районах края. Так, по данным Усть-Лабинского райкома партии, на 23 ноября 1928 г. в 15 населенных пунктах района имелось 34 религиозных общества; «живых церквей» – 14; старообрядческих – 2; баптистских – 3; православных – 6; лютеранских – 2; ново-израиловых – 2; бескровно-израиловых – 3; хлыстовских – 1; вегетарианских – 1 [8].

С точки зрения партийной идеологии религиозная жизнь была результатом отсталости и невежества. Руководители районных организаций ВКП(б) верили в преобладающую силу пропаганды, считали основным инструментом мировоззренческой трансформации расшатывание авторитета религии среди населения, разоблачение духовенства и подрыв влияния церкви. Так, в отчете райкома Павловской партийной организации в ноябре 1926 г. отмечалось, что «религиозная борьба идет между тихоновцами и обновленцами», что предлагалось «использовать для разложения» [9]. В протоколе заседания Отрадненского райкома от 15 января 1925 г. говорилось, что в среде верующих и духовенства наблюдается раскол и есть «тихоновщина». «Если бы были сильные партийные», способные вести антирелигиозную работу, – рассуждал автор доклада, – то население скоро бы «потеряло бы веру в религиозный дурман» [10]. В Усть-Лабинском районе в 1926 г. руководитель местной комячейки Жальницкий отмечал, что в антирелигиозной пропаганде необходимо обеспечить осторожный подход, но нужно ловить известные моменты, как например, «чудо» в ст. Кирпильской и разоблачать его среди населения [11].

Для антирелигиозной пропаганды партийцы тщательно фиксировали компрометирующие духовных лиц факты, тиражировали их как примеры «религиозного разложения». Так, в ст. Незамаевской,

партийный руководитель в своем выступлении в ноябре 1926 г. говорил: «...дьякон после гульбы возвращается с девчатами, пойман станичной молодежью и острижен» [9]. В ст. Атаманской священник, как отмечалось в протоколе заседания бюро Павловского райкома, имел место конфликт с псаломщиком «из-за дележа добычи» [9]. По мнению секретаря Павловского райкома, «все это свидетельствует об упадке веры в священнослужителей, а вместе с ними и в религию». Однако он сам же противоречил этому утверждению, когда отмечал, что на хут. Упорном возведена церковь, а в ст. в Павловской готовится строительство храма [там же].

Несмотря на идеологическую риторику, партийные документы этого времени показывают, что степень народной религиозности населения края оставалась достаточно высокой. Население края, несмотря на шумную антиклерикальную политику, продолжало поддерживать обрядовые действия, избирать священнослужителей в ходе выборов, собирать средства на возведение и ремонт церквей. Верующие по-прежнему соблюдали запреты на работу в главные православные праздники. Так, в постановлении Отрадненского райкома в июне 1931 г. отмечалось, что в ст. Бесстрашной на Троицу имел место уход колхозников с полей [12]. В немецком селении Семеновка, где проживали немцы-католики, докладывал в 1925 г. секретарь местной комячейки Мартынов, состояние населения «неудовлетворительное», поскольку семеновцы – отстающие и темные «в своем религиозном фанатизме» [13, л. 208]. Другой коммунист, товарищ Жеребин, негодовал, что «в Семеновке большинство населения являются кулаки и притом религиозные фанатики». Он рассказывал с возмущением о своем посещении общего собрания селян, что когда в кирхе зазвонили к службе, то председатель подскочил, отдавая должное звучанию колокольной [там же].

В выступлениях других коммунистов Усть-Лабинского района отмечалось, что в русских хуторах вопрос обстоит лучше с религиозными предрассудками. Вся молодежь уже почти отказалась от посещения церкви за исключением еще старух и стариков. Они еще кой-чему придерживаются, но уже не так, как это раньше было» [14]. В других районах ситуация была иной. В протоколе VII партконференции Павловского района, проходившей в декабре 1928 г., указывалось, что «на хуторах комсомольцы иногда идут в церковь и на

свадьбу, потому что там нет культурного очага» [15].

В целом при изучении партийных документов создается впечатление, что народная религиозность, несмотря на осуждение и гонения, продолжала оказывать сильное воздействие не только на жизнь рядового населения, но и на членов партии. Так, на II пленуме Павловского райкома в июне 1925 г. говорилось: «Есть члены партии, кои с билетом в руках ходят за церковным борщом, когда ему говорим, что этого нельзя делать, то он говорит: "Вот вам партбилет, и я уйду из партии"» [16]. В протоколе VII районной партконференции, проходившей в декабре 1928 г., один из выступавших, отмечая примеры нарушения коммунистами партэтики в ст. Старолеушковской, сообщал, что у ряда партийцев имеются на дому иконы [15].

Члены партии нередко состояли в браке с выходцами из духовного сословия. В конце 1925 г. в числе злоупотреблений председателя Атаманского сельсовета товарища Шиманова было отмечено, что супруга председателя является дочерью священника, она нередко руководила работой местной ячейки и имела доступ к секретным циркулярам райкома [17].

В документах этого времени встречаются призывы к членам партии перевоспитывать верующих членов своих семей и не поддаваться духовному влиянию последних. В докладе о партийной этике на собрании комячейки Усть-Лабинского района от 18 октября 1925 г. товарищ Бондаренко указывал, что член партии в первую очередь обязан перевоспитать свою семью, прежде всего – жену, чтобы члены семьи не посещали церковь, не отмечали религиозных празднеств. Правда, указывалось, что если все же семья верующая, то «не действовать насилием, а только убеждением». Если же супруга «не поддается никаким убеждениям», то с разрешения местной партийной организации необходимо оформить развод. Для коммуниста неприемлемо крестить своих и чужих детей [13, л. 200].

При сравнении советской и религиозной обрядности, связанной с регистрацией детей, станичники и хуторяне часто делали выбор в пользу традиционной. В партийных документах сохранилось письмо жителя хут. Болгов, в котором говорилось, что при рождении ребенка жена настаивала покрестить младенца, но хуторянин, «не веря в этот поповский дурман», настоял на советских крестинах – октябринах в день

девятой годовщины Октябрьской революции. Однако в этот праздник председатель Пономарев не стал проводить регистрации. Хуторянин пришел домой, рассказал о случившемся жене, «и пошла у нас ругань между собой из-за этих крестин». В итоге ребенок был покрещен по правилам с избранием кумовьев [18].

На выбор в пользу соблюдения духовных устоев влияло моральное состояние и поведение ряда местных большевиков. Руководитель местной комячейки товарищ Мальцева сообщил 24 октября 1927 г., что на хуторе Третья Речка Кочеты священник ведет агитацию против участия женщин в собраниях, требует, «чтобы их мужья не пушали». Мальцев сообщил причину этой «агитации»: некоторые «коммунисты впали в многоженство» [19]. В партийных документах 1920-х гг. нередко призывы к тому, что коммунист не должен «вести распутной жизни» [13].

Под влиянием народной религиозности находились и представители сельской интеллигенции, прежде всего – учителя. Дело в том, что многие из них были выпускниками дореволюционных духовных училищ, либо выходцами из священнических семей, или состояли в родстве с последними. Характеризуя учительство Усть-Лабинского района, уполномоченный отметил, что оно, «хотя и идет за компартией», но есть и приспособляющиеся, «в особенности из числа духовенства» [10]. 19 июня 1926 г. бюро ячейки ст. Кирпильской постановило: поскольку учителя Попов Ф. и Соболев Ив. имеют родного брата священника и мать просфорню, Попов – брата дьякона, а кроме того, священник Соболев и учитель женаты на поповнах, можно считать, что «эти учителя советски настроены быть не могут» [20].

В партийных документах отмечалось, что со стороны учителей нередко «имеются случаи извращения» коммунистического воспитания учащихся. Так, учительница Отраденской неполной средней школы № 1 Лолидзе при объяснении новых слов ученикам, одним из которых было слово «радуга», спросила школьников: «Кто видел радугу?». Одна девочка сказала: «Радуга после дождя пьет воду». На это бдительный партиец отметил: вместо того, чтобы использовать этот момент для антирелигиозного воспитания, учительница «согласилась с объяснением ученицы» [21].

Члены религиозных общин активно поднимали перед местными советскими и партийными властями вопросы о нарушении

прав верующих, добивались реакции на злоупотребления. 26 декабря 1924 г. было вынесено порицание и отозван с должности секретарь местной партячейки, который осуществил незаконный арест священника и граждан хут. Третья речка Кочеты [22]. На реакцию станичников партийные органы вынуждены были отреагировать и осудить случай в ст. Уманской, когда в марте 1931 г. партийцы Степаненко и Правдивцев устраивали обыски, отбирали у станичников ключи, мародерствовали, присваивая себе вещи уманцев, стреляли «из ружей в иконы в хлебоборских хатах» [23].

В протоколе заседания бюро Отраденского райкома партии в конце 1925 г. отмечалось, что православная община, руководимая священником Фоменко, «не желала своевременно урегулировать с местными советами и комячейкой и райпарткомом» создавшееся нежелательное отношение «к названной религиозной общине», ввиду малоопытности. Священник Фоменко стал «сознательно копить материал, дабы нанести удар по авторитету местных и районных сов. и партийных организаций» и создать в округе мнение о гонениях на верующих советскими властями [10, л. 100]. К сожалению, документ не дает никаких сведений о попутненском священнике Фоменко. Ясно только, что он, по-видимому, сумел достучаться до вышестоящих над райкомом партийных властей, и те обратили внимание отраденских руководителей на притеснения в отношении православной общины станицы.

22 декабря 1930 г. был снят с должности завкультпропагандотдела Отраденского райкома партии был некто Алыцкий, обвиненный в правом оппортунизме, которому в числе прочих обвинений вменялась в вину попытка закрыть храм в ст. Попутной [24]. В материалах районной контрольной комиссии сохранились биографические сведения об этом воинствующем атеисте. Алыцкий Владимир Павлович родился в 1900 г., по национальности белорус, социальное происхождение из крестьян, основная профессия крепильщик в шахтах, образование 6 классов городского училища, служил в Красной Армии, член ВКП(б) с 1925 г., имел партвысказание «за неумелое проведение перевыборов» [25].

Духовенство и прихожане умело использовали имеющиеся правовые положения для защиты своих интересов. Как «искаженное толкование сталинской конституции» отчеты Отраденского райкома трактовали в апреле

1937 г. следующие факты. Священник с. Воскресенского Отрадненского района Кондратов «самовольно ходил с поголовным обходом по хатам колхозников с молебном». Ссылаясь на Конституцию, он на церковном совете предложил перевести приход «в Тихоновскую общину». Это, по его словам, «больше к себе привлечет верующих». Некто Полуванов, служащий Райфо, «ярый церковник», в группе верующих говорил, что Конституция «выработана органами НКВД». В Конституции, хотя и сказано «свобода слова, свобода шествий», но в итоге «получается наоборот» [26].

Партийные документы показывают, что верующие и священники в этот непростой для Русской православной церкви период отстаивали свои убеждения, проявляли общественную активность. Создается впечатление, что в идеологическом противостоянии местные партийные органы проигрывали народной религиозности, не сумели ни разорвать связи верующих с традиционным мировоззрением, ни внедрить атеистические представления в общественный и домашний быт. В отчете Усть-Лабинской партийной районной организации в конце 1928 г. отмечалось, что, в противовес 34 религиозным обществам, коммунисты района имеют всего 9 кружков «Безбожников», поэтому последних работа «за летний период замерла». В условиях возросшей активности «религиозных элементов церковников и сектантов» работа антирелигиозных организаций «в чрезвычайном ослаблении» [8]. Указывалось, что «наши мероприятия по антирелигиозной пропаганде мало в чем выразились», лишь «нащупали почву для создания кружков безбожников и создание актива». Поэтому «в вопросе религиозного разложения» необходимо активизировать деятельность «путем развертывания глубокой культурно-воспитательной работы» [там же].

Проигрывая в честной идеологической борьбе, власти обрушили на верующих всю мощь карательных органов. Религиозные общины однозначно были отнесены в разряд идейных врагов советской власти, непримиримая борьба с которыми выступает важным условием построения социалистического общества. В апреле 1930 г. в документах Павловского райкома партии отмечалось, что «антипасхальная кампания» в текущем году приобретает «исключительно важное значение». Наблюдается повсеместное оживление «деятельности всех религиозных культов», направленной к срыву

«широко развернувшегося социалистического строительства как в городе, так и в особенности в деревне». Кроме того, кампания совпадает «с 8-ми летним юбилеем организации Союз воинствующих безбожников». Под флагом религиозности «церковники и все прочие религиозные секты нашего округа и района» повсеместно выступили против проводимой сплошной коллективизации и выселения кулачества, против всех мероприятий «по реконструкции сельского хозяйства». Поэтому предписывалось «антипасхальную кампанию» провести как массовую «в ответ на все вылазки». Ячейкам ВКП(б) и СВБ предписывалось начать подготовку к массово-разъяснительной кампании о значении Пасхи и религии вообще, как «тормозу социалистического строительства» [27].

Обвинения за бегство колхозников из колхозов были возложены на духовенство. В мае 1938 г. сообщалось, что в Отрадненском районе органами НКВД раскрыта и «изъята» группа верующих, во главе которых находились священники ст. Малотенгинской – Сильчев и хут-ра Красногвардейский – Ульницкий [28]. Преследовались молокане, поселившиеся в Приурупье еще до революции. Так, отмечалось, что в колхозе им. Дзержинского «группа сектантов», возглавляемая Поповым, Шипиловым, Портновым и другими, и в с. Благодарном – Ильницким, Суржиковым, подрывали колхозный строй, вербовали «в сектантские группы» наиболее отсталую часть колхозников, в первую очередь молодежь [там же].

Верующие объявлялись «классовыми союзниками кулака», подлежали преследованию вместе с крепкими хозяйственниками. Духовенство и прихожане в партийной печати назвались «вредителями», которые занимались «обманом населения» и по отношению к которым вполне допустимо насилие.

Таким образом, партийные документы, несмотря на ярко выраженную идеологическую направленность, многое дают для изучения религиозной жизни. Поскольку отраженные в них материалы содержат противоречивые оценки драматических страниц нашей истории, прочтение их требует рассмотрения в комплексе с другими источниками: статистическими, личного происхождения, материалами периодической печати и др. Авторский анализ позволяет прийти к выводу, что верующее население края продолжало жить приходской жизнью, соблюдало запреты на работу в

христианские праздники, защищало духовных лиц, отстаивало перед властями вековые устои своей общины и религиозные убеждения. Партийные органы долго проигрывали народной религиозности в идеологическом противостоянии, и лишь использование всей мощи партийного аппарата и карательных органов смогло переломить ситуацию. Однако, несмотря на жесткость и бескомпромиссность языка партийных документов конца 1920-х – 1930-х гг., народная религиозность продолжала существовать, находя иные формы выражения на домашнем, семейном и поселенческом уровнях.

Список источников

- См.: Цуканова И.В. Определение специфики феномена «народная религиозность» // Наука-искусство-культура. 2012. Вып. 1. С. 71.
- Бартми́нский Е. Богоматерь в польской народной традиции // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 108.
- Беликова Н.Ю. Эволюция Русской православной Церкви в период постреволюционной модернизации России в 20–30-е гг. XX в.: на материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002. 256 с.
- Беликова Н.Ю. Русская Православная церковь и власть на Юге России: проблемы взаимоотношений. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. 186 с.
- Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Сост., науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар: Православный Екатеринбург, Традиция, 2009. 302 с.
- Тёр В.Е. Очерки по истории религиозной жизни в Ленинградском районе Краснодарского края. Ленинградская: ОАО «Куб. полиграф. объедин.», 2010. 80 с.
- Горожанина М.Ю. История православия на Кубани. Краснодар: Куб. гос ун-т, 2012. 483 с.
- Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Центр документации новейшей истории Краснодарского края» (ЦДНИКК). Ф. 1471. Оп. 1. Д. 63. Л. 41
- ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.
- ЦДНИКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 57.
- ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
- ЦДНИКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 102. Л. 338.
- ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 5.
- ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.
- ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.
- ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.
- ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 15. Л. 34.
- ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.
- ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
- ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
- ЦДНИКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 215. Л. 8.
- ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
- ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 62 а. Л. 33.
- ЦДНИКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 74. Л. 104.
- ЦДНИКК. Ф. 8486. Оп. 1. Д. 12. Л. 73.
- ЦДНИКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 192. Л. 25–26.
- ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 58. Л. 13–14.
- ЦДНИКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 214. Л. 68.

Refereces

- Tsukanova I.V. Definition of the specifics of the phenomenon of «folk religiosity». *Science-art-culture*. 2012. Issue 1. P. 71. (In Russ.).
- Bartmiński E. The Mother of God in the Polish folk tradition. In: *The language of culture: Semantics and grammar. On the 80th anniversary of the birth of Academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)*. Moscow, Indrik, 2004. P. 108. (In Russ.).
- Belikova N.Yu. *Evolution of the Russian Orthodox Church during the period of post-revolutionary modernization of Russia in the 1920s – 30s: based on the materials of the Krasnodar, Stavropol territories and the Rostov region. Ph.D. Dissertation in History*. Stavropol, 2002. 256 p. (In Russ.).
- Belikova N.Yu. *The Russian Orthodox Church and Power in the South of Russia: Problems of Relationships*. Saarbrücken, LAP LAMBERT, 2011. 186 p. (In Russ.).
- The Matter of Peace and Love: Essays on the History and Culture of Orthodoxy in Kuban*. Compiled and ed. O. V. Matveyev. Krasnodar: Pravoslavnyy Ekaterinodar, Traditsiya, 2009. 302 p. (In Russ.).
- Ter V.E. *Essays on the History of Religious Life in the Leningrad District of Krasnodar Krai*. Leningrad, OJSC “Kub. Polygraph. United”, 2010. 80 p. (In Russ.).
- Gorozhanina M.Yu. *History of Orthodoxy in Kuban*. Krasnodar, Kuban State University, 2012. 483 p. (In Russ.).
- State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case 63. Sh. 41. (In Russ.).
- State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1384. Inv. 1. Sh. 21. L. 23. (In Russ.).
- State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 81. Inv. 1. Case 1 a. L. 57. (In Russ.).
- State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case 8. Sh. 3. (In Russ.).

12. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 81. Inv.1. Case 102. Sh. 338. (In Russ.).
13. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case 5. (In Russ.).
14. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case 6. Sh. 24. (In Russ.).
15. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. 1384. Inv. 1. Case 42. Sh. 3. (In Russ.).
16. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1384. Inv. 1. Case 14. Sh. 15. (In Russ.).
17. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1384. Inv. 1. Case 15. Sh. 34. (In Russ.).
18. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case 47. Sh. 9. (In Russ.).
19. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case 30. Sh. 2. (In Russ.).
20. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case 12. Sh. 7. (In Russ.).
21. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 81. Inv. 1. Case 215. Sh. 8. (In Russ.).
22. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1471. Inv. 1. Case. 2. Sh. 43. (In Russ.).
23. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1384. Inv. 1. Case 62 a. Sh. 33. (In Russ.).
24. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 81. Inv. 1. Case 74. Sh. 104. (In Russ.).
25. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 8486. Inv. 1. Case 12. Sh. 73. (In Russ.).
26. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 81. Inv. 1. Case 192. Sh. 25–26. (In Russ.).
27. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 1384. Inv. 1. Case 58. Sh.13–14. (In Russ.).
28. *State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory «Center for Documentation of the Recent History of the Krasnodar Territory»*. F. 81. Inv. 1. Case 214. Sh. 68. (In Russ.).

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Информация об авторе

О.В. Матвеев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета. 350049, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Information about the author

O.V. Matveyev – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University. 350049, Krasnodar, Stavropolskaya St., 149.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 30.10.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.